

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М. Антропологический манифест С.А. Смирнова (рефлексивные заметки) // Человек. RU. 2018. № 13. – С. 165-175.
2. Смирнов С.А. Форсайт человека: Опыты по неклассической философии человека. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2015. – 660 с.
3. Смирнов С.А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. – 438 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Reznik Yu.M. Antropologicheskii manifest S.A. Smirnova (refleksivnye zametki) // Chelovek. RU. – 2018. – № 13. – S. 165-175.
2. Smirnov S.A. Forsayt cheloveka: Opyty po neklassicheskoy filosofii cheloveka. – Novosibirsk: ZAO IPP «Ofset», 2015. – 660 s.
3. Smirnov S.A. Antropologicheskii navigator. K sobytiynoy ontologii cheloveka. – Novosibirsk: ООО «Ofset-TM», 2016. – 438 s.

Поступила в редакцию 08.07.2019 г. (№ 2344)

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-320-325

Ю.М. РЕЗНИК, Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА: РАЗГОВОР О НАСУЩНОМ (28 апреля 2019 г.)

***Аннотация:** Диалог содержит обсуждение возможности концепции построения практической философии смысла. Речь идет о круге идей, которые фокусируются вокруг смыслового содержания социально-культурного опыта, коммуникации и роли личности в смыслообразовании.*

***Abstract:** The dialogue contains discussion of possibility of building practical philosophy of meaning. It touches upon a range of ideas focused around semantic content of socio-cultural experience, communication and the role of person in formation of meaning.*

***Ключевые слова:** философия, глубокая семиотика, понимание, смысл, коммуникация, поступок.*

***Keywords:** philosophy, deep semiotics, understanding, meaning, communication, action.*

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.
Тулчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор, профессор Департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ-ВШЭ-Санкт-Петербург, профессор кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: gtul@mail.ru, gtulichinskij@hse.ru.

Резник Юрий Михайлович: Григорий Львович! Сначала традиционный вопрос. Расскажите, пожалуйста, немного о себе. Как Вам после стольких лет работы всё-таки удалась стать тем, кем Вы стали? Тульчинским Григорием Львовичем. И кем Вы себя считаете в первую очередь — философом, логиком, гуманитарием, кем еще?

Тульчинский Григорий Львович: Это вопрос об идентичности — за кого сам человек себя держит. А такой сюжет имеет много измерений. Например, скажу несколько слов относительно профессиональной идентичности. С детства я увлекался географией, собирался даже в топографический техникум. Но жизнь повернулась иначе — по желанию родителей после 7 класса поступил в техникум холодильной промышленности. Правда, по его окончании полгода отучился на геофаке Ленинградского университета. Сам тем временем занимался в клубе молодого журналиста, печатался в газетах, подумывал о журфаке. Но однажды ехал в пустом вагоне электрички и неожиданно для себя понял, что надо идти на философский. И в профсоюзной карточке учета у меня в графе «профессия» было написано: техник-механик, философ.

А если серьезно, то вопрос об идентичности не очень содержательный. Был такой знаменитый в свое время роман Р. Музиля «Человек без свойств» — по-моему, оба его тома и написаны были ради названия. Человек очень пластичен, и он всегда уже иной, чем тот, за кого его держат другие. Для себя он всегда — другой, и всегда он хочет стать иным, не таким, как сейчас. Это хорошо знает любой автор. Он что-то написал, издал, к нему подходят, спрашивают об этом тексте, а ему эти идеи уже не интересны, он сам уже думает о другом.

Но есть некая basic identity. И у каждого она своя. Есть люди, у которых главное, что он — профессор, а для кого-то — что он политик. Один из моих питерских коллег — офицер, 8 лет прослужил в танковых войсках, доктор философских наук, профессор, пишет монографии, стихи, прозу. Я его как-то спросил: «Ты кто? Офицер? Писатель? Философ? Преподаватель? За кого ты сам себя держишь?». Он пару минут подумал и ответил: «Я бегун». И я вспомнил, что он каждый день бегает по 5-7 км. Тогда я задумался и неожиданно для себя понял: я — питерский мальчик с Синопской набережной, а все остальное, что со мной происходит — это приключения этого мальчика. И это многое про меня проясняет.

Ю.М.: Перед тем, как проследовать с Вами по всем 4 этапам «осмысления смысла», я попытался узнать из Ваших тезисов, как Вы все-таки понимаете исходное понятие «смысл»? Пока же я узнал, что он контекстуален, телеологичен и связан с выбором позиции обобщения. Но этого явно недостаточно для определения «смысла смысла». Так что же такое «смысл»?

Г.Л.: Смысл — очень многозначный и полидисциплинарный концепт. В самом общем плане, как мне представляется, это назначение части в некоем целом. Смысл слова из фразы. Смысл фразы — из текста. Смысл текста — из контекста. Смысл жизни — из ее «контекста», который выходит за пределы существования. Если же уточнять содержание этого концепта, операционализировать его, то у меня была серия работ об этом, где смысл представлен как идея, т.е. ценностно-нормативный синтез: знания — как отношения к реальности, оценки — как отношения к цели, образцу, и нормы — как отношения к правилу, алгоритму достижения цели. Человек осмысливает мир в идеях. Идея либерализма, коммунизма, относительности — это знание, некая парадигма и программа её реализации. Потом наткнулся на близкую идею Й. Галтунга, у которого наука реализуется в синтезе эмпирицизма (соотношения теории

и фактов), конструктивизма (соотношения теории и цели) и критики (соотношения цели и фактов).

Ю.М.: *И еще один вопрос. Что такое практическая философия в Вашем понимании? В истории философии имеются разные взгляды на её предмет и сферу применения. Какова Ваша позиция? И что значит для Вас «практическая философия смысла»? Вы как-то обходите этот вопрос стороной, хотя я могу что-то не увидеть. Ограничивается ли исследование смысла экстракцией содержания смысловой структуры опыта и выявлением «механизмов осмысления»?*

Г.Л.: Для меня практическая философия смысла – это сопряжение культуры, коммуникации и личности. Это не только ключевые факторы смыслообразования и трансляции смысла. Предложенная мною экстракция смыслового содержания социального опыта открывает дорогу междисциплинарному синтезу социально-культурных практик (технологий), коммуникации, управления, персонологии. Я назвал это «глубокой семиотикой», расширяющей возможности социальной семиотики и семиотики культуры, потому что позволяет сместить акцент внимания с структурных компонентов на динамику их взаимодействия в процессах осмысления и смыслопорождения. Одновременно это открывает и новые возможности философии – как «упаковщице» целостной смысловой картины мира, отбирающей смыслы с полей науки, искусства, религии, политики, обыденного опыта.

Ю.М.: *Григорий Львович! Вы начали издавать, с 1975 г. в разделе «От логической семантики к нормативно-ценностному синтезу» Вы вводите ряд понятий, которые, конечно же, имеют значение в рамках Вашей концепции. Вы пишете: «Концепт НЦС позволяет рассматривать динамику институционализации смысловых структур как переход от личностного знания к знанию все более распределенному, формирующему общности единомышленников – вплоть до социальных институтов». В результате расширения Вы разрабатываете «глубинную семиотику» и «стереометрическую семантику». Это стало основой Вашей докторской диссертации. Скажите вкратце, в чем состоял замысел Вашей диссертации и как он повлиял на Ваши дальнейшие исследования?*

Г.Л.: В свой период «бури и натиска», после защиты кандидатской диссертации по логической семантике, у меня был наработан большой материал (я его называл Big Text), из которого вышелушилась монография под докторскую – «Познание и культура. Философско-семиотический анализ». Рецензента из Института марксизма-ленинизма сначала смутило слово «семиотика», потом – недостаточное, по его мнению, количество цитат из Ленина по сравнению с количеством ссылок на Ю.М. Лотмана. Издательство попросило удовлетворить замечания рецензента. Текст был издан испорченным. Вот с тех пор и исправляю.

Ю.М.: *В исследовании смысла Вы построили дисциплинарную матрицу: «от онтологии к гносеологии и далее через аксиологию и культурологию к персонологии». На Ваш взгляд, сдвиг гуманитарной парадигмы есть главная тенденция современного философствования. Разумеется, в тезисах трудно раскрыть проблему полностью. Так в чем же, всё-таки, этот сдвиг состоит?*

Г.Л.: В этом и состоит – во все большем акценте на персонологической тематике. Это проявляется и в осмыслении проблем биоэтики, и последствий цифровизации. Где и когда человек собственно человек? Тело уже превратилось из «темницы души» в костюм, который можно украшать, а то и менять – вплоть до смены пола. Исследования нейрофизиологии мозга заново ставят вопрос о возможности свобо-

ды воли, природе самосознания. Цифровой цивилизационный фон, роботизация, успехи искусственного интеллекта, маркетинг с использованием Big Data ставят под вопрос «самость», самосознание личности, саму природу и востребованность вменяемого актора социальной жизни.

Ю.М.: Мне нравится Ваше определение символической политики как «борьбы за доминирование способов осмысления и смысловых картин мира». Удалось ли Вам применить такое понимание к анализу российской действительности? Какие технологии смыслополагания и мифы используют сегодня современные политики?

Г.Л.: Технологии используются старые как мир. Мифы о происхождении, героях, жертвах, деятелях, событиях... Удалось пока сделать несколько принципиальных вещей.

Во-первых, выявить три лага (режима) формирования исторической памяти: оперативный — до 3 лет (обеспечиваемый медиа, искусством, индустрией развлечений), средний — до 10 лет (обеспечиваемый гуманитарными науками и образованием) и длительный — от двух поколений (обеспечиваемый семейным воспитанием, ближним кругом общения). И проблема заключается в их взаимосвязи и соответствии.

Во-вторых, удалось показать специфику информационных смысловых войн не как пропаганды, а коммуникации, имеющей задачу активировать «третьего» актора, который может вмешаться и разрешить проблему, конфликт.

В третьих, удалось выработать модель смыслопорождающей наррации исторической памяти (культурной идентичности, смысловой картины мира социума), позволяющей вести сравнительный анализ в операционализируемых терминах. Такой анализ показал, что в российской исторической памяти акцентированы гордость и ликование, тогда как такие важные характеристики как скорбь, печаль и покаяние — практически отсутствуют.

Ю.М.: Отдельный вопрос заслуживает Ваш «Проективный философский словарь», который, как Вы отмечаете, «не регистрирует, а предвосхищает, потенцирует, проектирует будущие дискурсивные тенденции в развитии современной философии, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей». Я внимательно познакомился с ним еще в момент его выхода. Необычная трактовка многих понятий. Какие новые статьи Вы бы сегодня ввели в свой словарь?

Г.Л.: Идея проективного словаря принадлежит не мне, а М.Н. Эпштейну. А вот второй выпуск был подготовлен мною с дальнейшим расширением круга авторов. Он был сначала опубликован на страницах ряда номеров журнала «Философские науки». Сейчас готовится отдельное издание. Думаю, может последовать и следующий выпуск. Что до моих новых статей в этом выпуске, то это: границы поступка, вменяемость, деперсонализация, векторная типология личности, висцеральное, воля, коллоцентризм, креативность, онтофания свободы, онтологический импульс, самоидентифицированство, телоцентризм и др.

Ю.М.: Честно говоря, я не понял весь Ваш грандиозный замысел междисциплинарного синтеза. Мне не совсем ясно, чем отличаются первый уровень эмпирической фактологии, «предъявления описаний, данных», с одной стороны, и второй уровень «каузальных связей, взаимосвязей и детерминаций между фактами», с другой. Ведь эмпирика предполагает и объяснение причинных связей. Или не так? Поясните также подробнее, как связаны между собой причинный детерминизм science и свобода воли humanities?

Г.Л.: Главное было сказано в ответе на вопрос 2. Речь идет о трех нарративах. Первый — описание фактов (что? или кто?). Второй — попытка их каузальной связи (поче-

му?). Третий — целевой (зачем?). Это как в детективе: сначала факты, потом попытки их связать, а в финале — рассказ Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро, мисс Марпл, объясняющих то, чей же это был замысел. За первые два нарратива отвечает science. Третий — дело humanities. И он есть в любом исследовании — в начале, как обоснование актуальности, и в конце — как практическое значение исследования или разработки.

А свобода воли любого исследования выражена в онтологическом допущении предмета анализа (непустоты предметной области рассуждений), фактически — в онтологическом импульсе «Да будет!».

Ю.М.: *В заключении Вы перечисляете проблемы, которые Вам удалось поставить или решить, делая особый акцент на междисциплинарном синтезе. Скажите, пожалуйста, каким образом связаны между собой философия поступка и философия смысла? И в чем состоят, на Ваш взгляд, особенности современного философствования о смысле?*

Г.Л.: Во-первых, поступок — вменяемое действие, т.е. активность, имеющая мотивацию, и которую можно вменить. А мотивация и ответственность — нарративны и диспозиционны, т.е. это интерпретации, осмысления.

Во-вторых, в смысловой картине мира бытие (Dasein) интонировано замыслами, «поступочно». История, политика, культура, искусство есть равнодействующая воля, замыслов, поступков.

Что до современности, то, как уже говорил выше, она пронизана проблемностью вменяемого субъекта, проблемами свободы воли и самосознания. Чему и посвящена современная философская осмысляющая наррация.

Ю.М.: *Григорий Львович! Каждый крупный ученый, а Вы в моих глазах, несомненно, являетесь таковым, строит свой замок, воздвигая мозаику на его стенах или украшая сложным сплетением понятийных узелков. Вместе с тем, как Вы правильно пишете, в гуманитарном исследовании присутствует целевой и ценностно-нормативный компоненты. Кто-то строит «Город солнца», а кто-то продолжает искать свой путь в науке, разбираясь всё в новых и новых лабиринтах познания.*

Уверен, что и у Вас есть свой замок, путешествие в котором даётся далеко не каждому исследователю. А если бы Вам пришлось строить свой «Город солнца», то каким Вы его себе представляете? Ведь утопии (коммунистические, буржуазные, либеральные и пр.), как и мифы, во многом управляют миром или определяют «лицо» социальной реальности.

Г.Л.: Не верю в Город Солнца. Утопии небезопасны. Предпочитаю, следуя совету Вольтера «воздвигать свой огород» и отвечать за него.

Ю.М.: *Жаль, что Вы ответили слишком однозначно и не попытались поразмыслить на эту тему. Наконец, еще один, заключительный вопрос. У Вас, Григорий Львович, специализированное мышление профессионала, который делает всё основательно и с прицелом на будущее. Наверное, рано еще Вам подводить промежуточные итоги, но всё же скажите, что остается за кадром или за экраном презентации Ваших широкомасштабных исследований? Что Вами движет в личном плане? Вы ведь всерьёз занимаетесь персонологией. Одним словом, каков Ваш экзистенциальный интерес в науке?*

Г.Л.: Понимать. А значит — читать, думать, делать то, что способствует развитию и поддержке активности префронтальных зон лобных долей головного мозга.

Ю.М.: *Григорий Львович! Спасибо за предоставленную возможность обменяться мнениями и понять Вашу позицию с глаза на глаз.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Тульчинский Г.Л. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. Философско-семиотический анализ. – СПб.: Алетейя, 2019. – 470 с.
2. Тульчинский Г.Л. Философия как проектирование новых смыслов // Вопросы философии. – 2019. – № 7. – С. 64-68.
3. Тульчинский Г.Л. Феноменология зла и метафизика свободы. – СПб.: Алетейя, 2018. – 670 с.
4. Тульчинский Г.Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. – СПб.: Алетейя, 2018. – 294 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Tulchinskiy G.L. Telo svobody: otvetstvennost i voploshchenie smysla. Filosofsko-semioticheskiy analiz. – SPb.: Aleteyya, 2019. – 470 s.
2. Tulchinskiy G.L. Filosofiya kak proektirovanie novykh smyslov // Voprosy filosofii. – 2019. – № 7. – S. 64-68.
3. Tulchinskiy G.L. Fenomenologiya zla i metafizika svobody. – SPb.: Aleteyya, 2018. – 670 s.
4. Tulchinskiy G.L. Politicheskaya kultura Rossii: istochniki, uroki, perspektivy. – SPb.: Aleteyya, 2018. – 294 s.

Поступила в редакцию 28.04.2019 г. (№ 2345)